

УДК 821.111.09“19”

ВОПЛОЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО КРИЗИСА КОНЦА XX ВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЭМИСА

А.А. МАРДАНОВ

(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается изображение в романах М. Эмиса травматического опыта второй половины XX в., кризисного состояния человеческого сознания, краха ценностных ориентаций, снижения уровня общечеловеческой и индивидуальной морали, общего упадка культуры. Глобальный моральный кризис в романах Эмиса имеет масштабы стихийного бедствия, которое проявляется в пренебрежении законами и здравым смыслом, опустошенности персонажей, деградации мышления, психических патологиях, ненависти, мизантропии, эмоциональной отчужденности, неспособности к коммуникации, склонности к насилию и садизму, ощущению абсурдности и бесперспективности существования. Рассматриваются некоторые стилистические особенности (гротеск, трагедии, черный юмор, отмена эстетических табу, повышенный интерес к физиологическому и отвратительному), призванные воплотить глубину морально-нравственной деградации, а также усилить степень воздействия на читателя и преодолеть травматический опыт.

Введение. Английской литературе постмодернизма характерен повышенный интерес к различным аспектам глобального эволюционного кризиса, а также способам травмированного сознания человека адаптироваться к новой онтологической реальности. Кризисные ситуации закономерно сопровождали человечество на протяжении всей его истории, поскольку определенный спектр «...эмоциональных переживаний для субъекта оказывается привлекательнее, чем предметные результаты» [1]. Однако эпоха постмодернизма отличается интенсивностью и широким масштабом распространения различных видов кризисных ситуаций. Их цикличность А.П. Назаретян объясняет тем, что человеку «...необходимо периодически испытывать все ...эмоции, способность к которым заложена в структуре организма» [1], поэтому человек стремится «...к поиску соответствующих раздражителей и к провоцированию подходящих ситуаций» [1]. Следовательно, из антиэнтропийного механизма культура превращается в катализатор энтропии, что беспокоит многих авторов эпохи. Люди объединены только «...войной и работой, насилием и грабежом, голодом и налогами, предрассудками и фанатизмом, меланхолией и мизантропией» [2, с. 62–63]. Они преуспели только в порождении «...террора, войны, и распространении напряженности, основанной на взаимном страхе и ненависти» [3] (здесь и далее перевод наш – А. М.). По словам Эмиса, мир еще никогда не находился в таком критическом состоянии. Из-за снятия основных моральных принципов и чувства ответственности, человечество пренебрегает законами природы, общества и здравого смысла, а «...попрание морали неизбежно заканчивается исторической катастрофой» [4].

Основная часть. В постмодернистских произведениях «...происходит коллективное уточнение представлений о человеке, только каждый из авторов разрабатывает определенный аспект общей проблемы» [5, с. 192]. Эмис, как «...виртуоз постмодернистской игры, хулиган-ниспровергатель культурных стереотипов и философ боли опыта» [6, с. 72], разрабатывает аспект глобальной моральной катастрофы¹, когда исчезают прежние морально-нравственные ценности, формируется новое мировоззрение, обусловленное травматическим опытом. Переосмыслению подвергаются такие нравственные ценности, как «...доброта, милосердие, честность, ответственность, им на смену приходят ценности делового успеха, материального процветания и власти, гедонизма и вседозволенности. Культивируются псевдоцели и псевдоидеалы» [9]. Обращение к опыту страдания в творчестве Эмиса «...становится центральным эмоциональным переживанием и объектом тематизации в развернутых аналитических рефлексиях...» [6, с. 24]. Одной из главных идей в романах Эмиса является представление о жизни как о травматическом опыте.

И.В. Кабанова отмечает, что «уже в ранних романах Эмиса выразительность языка, поэтическая избыточность метафор противоречиво сочетались с безнадежным взглядом на мир» [10, с. 457]. Он фиксирует ситуацию эволюционного кризиса, изменение общественного сознания, отношений, интересов,

¹ Некоторые книги М. Эмиса написаны под прямым влиянием книг отца Кингсли (Kingsley Amis, 1922–1995). За год до выхода романа «Мертвые младенцы» (*Dead Babies*, 1975) М. Эмис сказал, что роман «Конец» (*Ending Up*, 1974) его отца «...был ...о большом количестве дрянных стариков, живущих в одном доме, действующих друг другу на нервы и в итоге убивающих друг друга» [7, с. 134]. Его собственный роман «Мертвые младенцы», по его словам, «...о большом количестве молодых людей, живущих в одном доме в деревне, слегка уединенном, в итоге также действующих друг другу на нервы и убивающих друг друга» [7, с. 134]. Этот роман прочитывается как метафора общества конца XX в. Персонаж Ричард из романа К. Эмиса «Русская девушка» (*The Russian Girl*, 1994) говорит: «никто, каким бы ученым и мудрым он ни был, не может воспрепятствовать регрессу» [8, с. 4].

идеалов, образа жизни, глобальное снижение уровня порядочности, нравственности и честности, демонстрирующую «...синдром Homo grae-crisimos (“хлеба и зрелищ”), который не раз в истории предвещал крушение процветающих цивилизаций» [1]. Эмис изображает в своих романах разобщенность, эмоциональную изолированность людей и их реакцию на «...утрату или размывание всякого смысла...» [11]. Люди забыли, что «...являют собой сообщество, что все они связаны друг с другом» [12, с. 4]. Отчужденность является катализатором моральной катастрофы, поскольку «...оторвавшегося от естественного окружения индивиду становится все труднее оправдать свое существование» [13, с. 148].

Главные персонажи произведений Эмиса в большинстве своем почти полностью лишены каких-либо положительных характеристик. Это – «...безнравственные, жестокие, отвратительные молодые люди, воняющие гормонами... и гашишем» [14], живущие инстинктами, утратившие способность думать и совершать моральные поступки. Подобная тенденция в обществе ведет к «...отмиранию естественной нравственной человеческой основы...» [15]. Собирательный персонаж-мизантроп Эмиса в каждом романе демонстрирует ненависть к людям вообще, независимо от пола, возраста, социального положения. Например, Трев («Другие люди» (*Other People*, 1981)): «...никак не может разобраться, зачем совершать все эти мерзости, которые он не прекращает совершать. Иногда он объясняет их звенящей злобой, которую испытывает ко всем...» [16, с. 55]. Персонажи ненавидят самих себя, свое травмированное сознание и отвратительное физическое состояние. Неприязнь к человеческому телу звучит в описаниях мужчин, женщин, стариков, которых можно не только видеть, но и обонять, улиц и больниц, воздух которых пахнет человеческими органами и испражнениями: «...отовсюду приятно веяло запахом иеху» [17, с. 303]. В каждом описании тела сквозит отвращение, изображается физиологическое разрушение, обнаруживающее хаос бессознательного и, нередко, личные фобии и неврозы автора.

В эпизодах, уподобленных стилистике желтой прессы, Эмис изображает симптомы предельной человеческой деградации. Например, Кит («Лондонские поля» (*London Fields*, 1989)) изменяет жене, пользуясь услугами несовершеннолетней проститутки, платя ее матери. Он пьет, грабит, избивает мужчин, насилует женщин. Джонни («Мертвые младенцы») по понедельникам выносил ведра там, где нелегально делали аборт, продавал свою мочу полуправильным иммигрантам по вторникам, выселял вдов и калек из домов в южном Лондоне по средам, по четвергам похищал домашних питомцев для людей, занимающихся вивисекцией, в другие дни торговал наркотиками. В «Ночном поезде» Эмис перечисляет существующие полицейские управления – по борьбе с организованной преступностью, половыми извращениями, наркотиками, похищениями людей, ограблениями, кражами, убийствами и др., что призвано продемонстрировать болезненный травматический опыт. Человечество, по словам автора, постоянно становится хуже, само понятие «...“самое худшее” является эластичным понятием. Нельзя зафиксировать “самое худшее”. Границы расширяются каждый день» [18]. Сейчас, если «ты не изнасиловал ребенка... Не крошишь восьмидесятилетних ради смеха» [18], это уже означает, что ты отличный парень.

Романам Эмиса характерен устойчивый мотив вреда денег, являющихся, по его мнению, одной из основных причин моральной деградации и существования порнографии – ее яркого проявления. Именно деньги, по мнению Эмиса, «...превратили рай в туалет» [19, с. 102], а отношения между мужчинами и женщинами – в товарно-денежные: «...тело означало деньги: мир порнографии и рабской зависимости» [20, с. 292]. Эмис подчеркивает, что порноиндустрия опредмечивает женщин, превращает их в товар. Порнография для Кита («Лондонские поля») была как героин: «он так плотно на нее подсел, что опасался за свой рассудок... [...] Он крутил ее постоянно, и даже этого было для него недостаточно. Он хотел, чтобы она крутилась, когда он спит. Он хотел, чтобы она крутилась, когда его нет дома» [21, с. 495]. Персонаж по имени Селина – «доподлинно развратная, по большому счету вульгарная, плоть плоти двадцатого века...» [21, с. 803]. Она является образом сестры автора Салли, которая умерла в сорок шесть лет от алкоголя и разгульного образа жизни, и «...часто появляется в книгах Эмиса» [22]. В автобиографическом романе «Беременная вдова» (*The Pregnant Widow*, 2010) ее символизирует Вайолет, сестра главного героя, которая могла выпить семь «martini» за полчаса, после чего она «...шла в постель с очередным взломщиком, нищим или, как последнее средство, таксистом. Который везет ее домой» [23].

Эмис называет себя «...комическим писателем, интересующимся мучительными темами» [24]. Уже первый его роман «Записки о Рейчел» дает понять, что «...“мерзость”, комедия гротеска”...» [6, с. 127] станут особенностью его стиля. «Чем отвратительнее вещь, тем смешнее она становится» [25, с. 87], пишет автор, «плохие новости всех захватывают сильнее» [21, с. 790]. По его признанию, изображение отвратительного в его творчестве занимает важное место, потому что оно интереснее. Эмис убежден, что «письмо... в котором говорится об отличной погоде, превосходном питании и не вызывающем никаких нареканий жилье, далеко не так забавно читать (или писать), как письмо, в котором сообщается о прогнивших шале, дизентерии и беспрестанной мороси. Кто, кроме Толстого, сумел в выгодном свете представить на своих страницах счастье?» [21, с. 791]. Ссылаясь на роман «Анна Каренина», он говорит: «неудачу я всегда находил более интересной, чем успех; ...успех всегда одинаковый, неудача, каким-то образом, всегда разная...»² [23].

² «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему» [26, с. 7].

Для фиксации моральной катастрофы Эмис обращается к черному юмору, который «...создает ощущение абсурдности человеческого бытия» [27, с. 91]. Его «...особый тип трагифарсового повествования с широким использованием приемов трагедии и гротеска...» [28, с. 1199] описывает утрированных персонажей-нигилистов, пессимистов, пустых духовно, не признающих норм морали, осознающих бессмысленность существования. Его творчество – это «черное» веселье, «черная» ирония, сатира о серьезных вещах, вызывающих наибольшее беспокойство. Эмис стремится «прогнать злых со сцены осмеянием» [29]. Часто, изображая глубину морального кризиса или различные виды катастроф, Эмис старается «...“убавить страх с помощью смеха”...» [30]. Это своего рода эскапизм со стороны автора – «...человек, который уже не в силах плакать, отвечает на агрессию смехом» [31, с. 1201]. В «Записках о Рейчел» он пишет, что «осмеяние является единственным экзорцистом..., а смех – единственным настоящим избавлением» [25]. Когда писатель чувствует террор со стороны бессмысленного насилия, тогда ему «...действительно ничего не остается, кроме судороги гротеска, “черного юмора” как защитной психологической реакции. Когда нет возможности справиться с опасностью..., то остается только одно лишь средство – спародировать эту опасность, свои собственные перед ней страхи и свое бессилие» [32, с. 385], тогда высмеянное из ужасного превращается в комическое. П. Акройд пишет, что когда уже нет надежды на положительный исход, «мир всегда смеется над своими трагедиями – иначе ему их не пережить» [33]. Такой смех снимает стресс, но не решает проблему.

«Омерзительность и пошлость являются основными элементами юмора ...Эмиса» [34, с. 40]. Он использует откровенный язык при максимально натуралистичном изображении отвратительных сцен насилия, и подвергает при этом сомнению «...самую возможность языка передавать возрастающее насилие...» [35, с. 126–127]. Большое содержание откровенно интимных и необоснованных подробностей в его творчестве, призвано расширить эстетическое воздействие на читателя, «...обновить вечные истины...» [36] и взбудоражить читателя, чьи чувства притуплены массовым потреблением, и только отвратительное и гротескное может их как-то затронуть. Такой прием выбивает «...читателя из привычно-обыденного, дает возможность взглянуть на самих себя и окружающий мир с другой точки зрения и ...благодаря этой встряске что-то понять, переосмыслить» [37]. Эмис осуществляет эстетизацию монструозного, когда описывает «...омерзительный, уродливый, угрожающий феномен западной цивилизации позднего капитализма...» [38].

Произведения Эмиса представляют собой смесь карнавала, ужаса и фарса, образец морального и стилистического отвращения, типичного для эпохи постмодернизма, и олицетворяют шоковую эстетику, основным принципом которой является ненормативность. Эмис отвергает любые эстетические табу, усугубляя эстетику безобразного и комического. Насилие и предметы грубой телесности даны в романах как «...тотальная мерзость... в качестве документального свидетельства, в жанре крика души» [37]. Эмис акцентирует физиологическое и порнографическое, чтобы «...вскрыть глубинные слои психики, определяющие поведение людей» [5, с. 193]. Н.Б. Маньковская пишет: «...если физически отвратительное исторгается посредством рвоты и других физиологических процессов, то духовное мерзкое отторгается искусством – духовным аналогом физических спазмов» [39, с. 117]. Акцентируя отвратительное, литература «...осуществляет рентген ужаса... Это – извержение отвратительного: выработка, уяснение отвратительного и освобождение от него посредством Глагола» [39, с. 118].

В рамках постмодернистской эстетики он изображает «чудовищное, кошунственное, грубо-физиологическое, предельно отталкивающее, выводящее на поверхность скрытое в глубинах бессознательного, аномально-фекальные и просто гротескно-ошарашивающие подробности. [...] Гной, кал, сперма, моча, менструальные выделения» [40]. Например, в «Мертвых младенцах» персонаж выражает восхищение баром, в котором официанты и официантки обнажены; секс входит в стоимость билета за вход; в нем подают кубики льда с выделениями женских гениталий, напитки с выделениями из молочных желез и мужских гениталий, мороженное со вкусом пота и кала [41, с. 154–145]. Внимание к физиологии и использование нецензурной лексики выполняют функцию снижения создаваемых образов и «...разрушению мифологизированных представлений о человеке» [40]. Эмис стремится сделать акцент на низкой, животной природе человека: «загаженные подставки для приседания на корточки... Вонь... Не обольщайся, говорил туалет. Ты – животное, сделанное из материи. И что-то внутри его откликлось на эти слова...» [42, с. 39]. В этом романе он ссылается на М. Монтеня: «и даже на самом высоком из земных престолов восседает наш зад» [43, с. 409], а потом добавляет: «...люди, расщепляющие атом и шагающие по Луне, поющие серенады и сочиняющие сонеты, они хотят быть богами, но остаются животными, чьи тела некогда принадлежали рыбе» [42, с. 120].

Стиль Эмиса часто подвергается критике. В 1970-е его вместе с И. Макьюэном называли братьями-близнецами, «...“плохими парнями” от английской литературы» [44], а позже его прозвали «торговцем порнографией». Например, по мнению критика К. Брук-Роуз, сейчас среди писателей модно делать вид, что ничего больше их не шокирует. Однако, если не знать меры, как в творчестве Эмиса, может возникнуть опасность, что их заподозрят в отвратительных подавляемых синдромах. Он не считает

«...оргии содомии, проглатывание кала и питье мочи... высокими литературными достижениями» [45, с. 193]. Эмис в каждом романе детально описывает, как персонажи, призванные своим поведением и внешним видом передавать не только собственное состояние, но и состояние века и планеты, рыгают, испражняются, мастурбируют, опускаются до инцеста, содомии, педофилии, канибализма и т.д. Эмис изображает грязь, деградацию, гниение, буквально воспеваает физиологические непристойности и отвратительные подробности. Его романы отличаются «...грязным и сатирическим отношением к сексу, комическим описанием ...телесной жизни... и ...изобретательным применением языка» [46].

Дж. Хаффенден отмечает, что Эмис не свободен от садистских мыслей, поскольку он, манипулируя персонажами, «...косвенно участвует в порочности века, в котором он живет» [47, с. 12]. Отличительной особенностью главных персонажей Эмиса является чувство ненависти и жалости к самим себе. Садист всегда страдает тщеславием и жалеет себя, одновременно испытывает манию величия и комплекс неполноценности. Автор передает удовольствие садистов от сцен насилия: «я бы мог ударить своим тяжелым башмаком и по ней тоже, по этой хрупкой трубочке [позвоночнику – А.М.], содержащей столько всякого жизненно важного хлама. Это было бы здорово» [17, с. 326]. Садистские наклонности проявляет даже младенец («Лондонские поля»), который бьет отца головой и игрушками, царапает ему лицо, рвет волосы, кусает за ноги, что символизирует потенциальную цикличность катастроф. Романы Эмиса прочитываются как размышления автора о развращенности и насилии. Чарльз («Записки о Рейчел» (*Rachel Papers*, 1973)) например, «...был бы не против увидеть, как избивают нищего, или как машина сбивает маленькую девочку...» [25].

Озвучивая мысли персонажей, Эмис демонстрирует глубину их морально-нравственной деградации, их опустошенность и бесперспективность, пустоту их внутреннего мира и деградацию мысли. Например, Стив («Информация» (*Information*, 1995)) «...нередко задумывался над тем, откуда берется сила при ударе: кисть тут важнее или предплечье? Взять, к примеру, обычную салфетку. Вы можете швырнуть ее кому-нибудь в лицо со всей силы, а толку что? Но если правильно повернуть кисть, то можно расквасить нос или поставить синяк под глазом» [20, с. 115]. Успехом и источником добродушного для него настроения является тот факт, что он «...избил мужика из десятичасовых новостей, а на следующий вечер об этом уже рассказывали в десятичасовых новостях» [20, с. 85]. Другой персонаж планирует подлить в стакан Ричарда «...лизергиновой кислоты, а когда его начнет мутить..., вывести его на свежий воздух... и там выбить ему все зубы» [20, с. 178]. Предел удовольствия персонажей – избить кого-нибудь с особой жестокостью: «...первое, что мне интересно в женщине, это могу ли я ее трахнуть. ...Первое, что мне интересно в мужчине, это могу ли я его побить» [48, с. 238]. Доблестная затея для Джока и Трева («Другие люди») – «...ворваться в ...хату и причинить ей и ее обитателям максимальный ущерб за те краткие минуты бури и натиска...» [49, с. 83].

Заключение. Таким образом, описание морального кризиса постмодернистского общества имеет большой удельный вес в творчестве Эмиса. Тематика снижения уровня морально-нравственной нормативности, отрицания духовных ценностей, примитивизации и стандартизации личности, усиления фрустрации и ощущения бессмысленности существования человечества в неблагоприятных антигуманных условиях, крушения старых идеалов и мировоззрения направлена на поиск способов разрешения общечеловеческого кризиса. Эмис акцентирует проблему распространения масштабов моральной катастрофы и качественных изменений современного человека, проявляющихся в выборе неподлинного бытия, духовном обнищании, упрощении сознания, возникновении патологий психики, усилении тревожности и депрессии, увеличении роста алкоголизма, наркомании, преступности и самоубийств. При этом он обращается к травести, гротеску, черному юмору, жестким эстетическим ценностям с целью проговаривания травматического опыта, ранее не находившего своего вербального выражения, и усиления эмоционального воздействия на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назаретян, А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование / А.П. Назаретян. – М.: Мир, 2004. – 239 с.
2. Миллер, Г. Вспоминать, чтобы помнить: Эссе / Г. Миллер; пер. с англ. В. Бернацкой; сост.: А. Зверева; коммент. В. Бернацкой и А. Зверева. – М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, НФ «Пушкинская библиотека», 2001. – 425 с.
3. Sardar, Z. Welcome to Planet Blitcon [Electronic resource] / Z. Sardar. – Mode of access: <http://www.newstatesman.com/node/155092>. – Date of access: 25.04.2015.
4. Лесков, Л.В. Этика ноосферной трансформации / Л.В. Лесков // Живая этика и наука будущего: материалы науч.-практ. конф., – Моршанск-Москва: НИЛИПЭ–Дельфис. – С. 22–31.
5. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И.С. Скоропанова. – СПб.: Невский Простор, 2001. – 416 с.
6. Джумайло, О.А. Английский исповедально-философский роман: диссерт. ...док. филол. наук / О.А. Джумайло. – Ростов н/Д, 2014. – 369 с.

7. Keulks, G. *Father and Son. Kingsley Amis, Martin Amis, and the British Novel since 1950* / G. Keulks. – Madison : The University of Wisconsin Press, 2003. – 328 p.
8. Amis, K. *The Russian Girl* / K. Amis. – New York : Penguin, 1995. – 304 p.
9. Марков, Ю.Е. Социально-философские проблемы адаптации и реадaptации человека к глобальным проблемам человечества : диссерт. ... канд. филол. наук / Ю.Е. Марков. – Чебоксары, 2007. – 165 с.
10. Кабанова, И. Английская литература после 1945 года / И.В. Кабанова // *Зарубежная литература XX века* / под ред. В.М. Толмачева. – М. : Academia, 2003. – С. 433–466.
11. Martinez, R. *A Dialog ...on Night Train* [Electronic resource] / R. Martinez, N. Shuit // *BBC Education Web Guide*. – Mode of access: http://www.martinamisweb.com/pre_2006/nt_dialogue.htm. – Date of access: 29.02.2015.
12. Хевеши, М.А. Вступление / М.А. Хевеши // Анчел, Е. *Этос и история* / Е. анчел ; пер. с венгр. М.А. Хевеши. – М. : Мысль, 1988. – С. 3–9.
13. Анчел, Е. *Мифы потрясенного сознания* / Е. Анчел ; пер. с венгр. Е. Бочарниковой. – М. : Политиздат, 1979. – 176.
14. Vincent, S. *In the boy, find the man* [Electronic resource] / S. Vincent // *Guardian Newspapers Limited*. – Mode of access: http://www.martinamisweb.com/documents/sally_vincent.doc. – Date of access: 25.04.2014.
15. Липовецкий, М.Н. *Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики)* : моногр. / М.Н. Липовецкий. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 1997. – 317 с.
16. Эмис, М. *Другие люди: Таинственная история* / М. Эмис ; пер. с англ. А. Принцевой. – М : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. – 320 с.
17. Эмис, М. *Успех* / М. Эмис ; пер. с англ. В. Симонова ; сост.: А. Гузман, А. Жикаренцев. – М. : Эксмо ; СПб. ; Домино, 2007. – 352 с.
18. Amis, M. *Night Train* [Electronic resource] / M. Amis // London: Jonathan Cape. – Mode of access: [http://dl2.bookfi.org/genesis/579000/0be415cef60dee03f1f3810ff585212e/_as/\[Martin_Amis\]_Night_Train_\(BookFi.org\).pdf](http://dl2.bookfi.org/genesis/579000/0be415cef60dee03f1f3810ff585212e/_as/[Martin_Amis]_Night_Train_(BookFi.org).pdf). – Date of access: 26.02.2008.
19. Morrison, S. *The Wit and Fury of Martin Amis* / S. Morrison // *Rolling Stone*. – 1990. – № 578. – P. 95–102.
20. Эмис, М. *Информация* / М. Эмис ; пер. с англ. В. Симонова. – М. : Эксмо ; СПб. ; Домино, 2008. – 576 с.
21. Эмис, М. *Лондонские поля* / М. Эмис ; пер. с англ. Г. Яропольского. – М. : Эксмо ; СПб. ; Домино, 2007. – 816 с.
22. Lamont, T. *Martin Amis: The Biography by Richard Bradford – review* [Electronic resource] / T. Lamont // *The Observer*. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/books/2011/nov/06/martin-amis-biography-bradford-review>. – Date of access: 26.12.2014.
23. Moss, S. *After the storm; It is time to move on* [Electronic resource] / S. Moss // *Guardian Newspapers Limited*. – Mode of access: <http://www.martinamisweb.com/documents/afterstorm.doc>. – Date of access: 25.04.2011.
24. Finney, V. *Narrative and Narrated Homicide in Martin Amis's Other People and London Fields* [Electronic resource] / V. Finney // *Long Beach: California State University*. – Mode of access: http://www.martinamisweb.com/pre_2006/homicides.htm. – Date of access: 26.12.2011.
25. Amis, M. *The Rachel Papers* / M. Amis. – New York : Vintage International, 1992. – 240 p.
26. Толстой, Л.Н. *Анна Каренина. Роман в восьми частях* / Л.Н. Толстой. – Минск : Главная редакция Белорусской Советской энциклопедии, 1979. – 616 с.
27. Можаяева, А. Во, Ивлин / А. Можаяева // *Энциклопедический словарь английской литературы XX века* / отв. ред. А.П. Саруханян ; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М. : Наука, 2005. – С. 90–93.
28. Зверев, А. *Черный юмор* / А.М. Зверев // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – С. 1199–1200.
29. Trueheart, Ch. *Through a Mirror, Darkly* [Electronic resource] / Ch. Trueheart // *Washington Post*. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/pb/archive/lifestyle/1991/11/26/through-a-mirror-darkly/05e0b577-4710-43a2-bbf4-a70798d495cc/?resType=accessibility>. – Date of access: 11.12.2014.
30. Stout, M. *Down London's Mean Streets* [Electronic resource] / M. Stout. // *New York Times Magazine*. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/1990/02/04/magazine/martin-amis-down-london-s-mean-streets.html>. – Date of access: 29.04.2015.
31. Дубин, С.Б. *Черный юмор* / С.Б. Дубин // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / под ред. А.Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – С. 1200–1202.
32. Ильин, И.П. *Общая характеристика постмодернизма* / И.П. Ильин // *Теория литературы* / гл. ред. Ю.Б. Борев. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – Т. IV: Литературный процесс. – С. 345–388.
33. Акройд, П. *Завещание Оскара Уайльда* [Электронный ресурс] / П. Акройд. – Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/akroyd_piter/zaveschanie_oska_ra_uaylda/read/html. – Дата доступа: 22.01.2011.
34. Padhi, S. *Bed and Bedlam: The Hard-Core Extravaganzas of Martin Amis* / S. Padhi // *Literary Half-Yearly*. – 1982. – 23 January. – P. 36–42.
35. Bernard, C. *Dismembering / Remembering Mimesis: Martin Amis, Graham Swift* / C. Bernard // *British Postmodern Fiction. Postmodern Studies 7.* / ed. by T. D'haen, H. Bertens. –Atlanta : Rodopi, 1993. – P. 121–144.
36. Липовецкий М.Н. *Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики)* : моногр. / М.Н. Липовецкий. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 1997. – 317 с.
37. Курицын, В. *Русский литературный постмодернизм* / В. Курицын. – М. : О.Г.И., 2000. – 288 с.
38. Ross, J.W. *CA Interview (with Martin Amis)* / J. W. Ross // *Contemporary Authors: New Revision Series*. – 1987. – P. 23–25.
39. Маньковская, Н.Б. *Эстетика постмодернизма* / Н.Б. Маньковская. – СПб. : Алетейя, 2000. – 347 с.

40. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература / И.С. Скоропанова. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 608 с.
41. Amis, M. *Dead Babies* / M. Amis. – New York : Vintage International, 1991. – 220 p.
42. Эмис, М. Беременная вдова : роман / М. Эмис ; пер. с англ. А. Асланян. – М. : Астрель : CORPUS, 2010. – 576 с.
43. Монтень, М. Опыты : сб. эссе в 3 кн. / М. Монтень ; пер. со старофранц. – Минск : Попурри, 2004. – Кн. 3. – 464 с.
44. Diegrick, J. Bookered, innit? A review of *Amsterdam* [Electronic resource] / J. Diegrick / Authors Review of Books. – Mode of access: http://www.martinamisweb.com/pre_2006/bookered.htm. – Date of access: 16.05.2014.
45. Brooke-Rose, Chr. The dissolution of character in the novel / Chr. Brooke-Rose // *Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought* / ed. by T. Heller. – Stanford : Stanford University Press, 1986. – С. 184–197.
46. Finney, B. What's Amis in Contemporary British Fiction? Martin Amis's «Money» and «Time's Arrow» [Electronic resource] / B. Finney // Long Beach: California State University. – Mode of access: www.csulb.edu/bhfinney/resources. – Date of access: 18.10.2013.
47. Haffenden, J. *Novelists in Interview* / J. Haffenden. – London and New York : Methuen, 1985. – P. 1–24.
48. Amis, M. *Money: a Suicide Note* / M. Amis. – London : Penguin Books, 1985. – 394 p.
49. Эмис, М. Другие люди: Таинственная история / М. Эмис ; пер. с англ. А. Принцевой. – М : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. – 320 с.

Поступила 22.06.201

THE DEPICTION OF MORAL CRISIS IN THE END OF XX CENTURY IN M. AMIS'S WORKS

A. MARDANAU

The article deals with the depiction of traumatic experiences in the second half of the twentieth century, which includes the crisis state of human consciousness, the collapse of value orientation, the decline in universal and individual morality, and the general decay of culture in M. Amis's (you could also use Amis') novels. The global moral crisis in Amis's novels is the scale of disaster, which is made manifest in disregard of the law and common sense, exhaustion and frustration of characters, degradation of thinking, mental pathologies, hatred, misanthropy, emotional alienation, inability to communicate, propensity for violence and sadism, the feeling of absurdity and futility of existence under inhumane conditions. The article also touches on some of the stylistic peculiarities (grotesque, travesty, black humor, renunciation of aesthetic taboos, the increased interest in the sordid) designed to portray the depth of moral degradation and deformation of the modern man's qualities, as well as to strengthen the impact on the reader and overcome the traumatic experience.